

ВАЛЕНТИНА ИВА

ЗА МИТ ДО
ОПКРОВЕНИЯ

Валентина Ива

За миг до откровения

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=22449338
За миг до откровения: «Десятая Муза»; Москва; 2016
ISBN 978-5-9909018-3-4*

Аннотация

Сборник рассказов – это мои впечатления от событий, которые происходили или могли произойти в моей жизни. Герои этих рассказов вымышленные. Все совпадения случайны. Если тоненькая ниточка времени, уходящая в недавнее или давнее прошлое, и вытянет из Вас ассоциацию с чувствами того или иного события, так похожего на то, что происходило с Вами, значит энергия моего повествования коснулась Вашей души.

Эта книга продолжает серию книг автора, написанными для ценителей жизни, людей, обладающих чувством юмора. Автор в отдельных коротких рассказах или новеллах делится своим восприятием жизни. В книге драматические события сочетаются с неожиданными смешными случаями, наблюдавшимися автором или услышанными им от друзей и знакомых.

Содержание

Душа сирени	5
Закуска	11
Давно-давно, до интернета	16
Два mistera	24
23.08.52	31
За миг до откровения	38
Видеть мир	48
Благотворительность	56
Конец ознакомительного фрагмента.	58

Валентина Ива

За миг до откровения

*** * ***

© В. И. Остапенко, 2016

Душа сирени

Белой, слабой, с синими венами, старческой рукой она поправила редкие седые волосы и грузно опустилась на венский стул. Стул слабо всхлипнул.

– Ну, что ж, разместились? – спросила она удивительно молодым голосом.

Человек пятнадцать студентов двумя амфитеатрами окружили её, расположившись на разномастных стульях и табуретках.

– Пожалуй, продолжим, – мелодично запел её голос.

Экскурсоводом Зоя Петровна работала уже шестьдесят лет. Когда-то сразу после художественного училища она трудилась в школе учителем рисования. Её экскурсии по Третьяковской галерее были самыми артистичными, содержательными и впечатляющими. Всем хотелось послушать именно её версию творения любой картины, собранную по капелькам за многолетнюю трудовую деятельность. Сейчас они окружили шедевр Врубеля под названием «Сирень» 1900 года рождения.

– Эта картина связана с хутором Николая Николаевича Ге. В 1875 году Ге, русский живописец и рисовальщик, мастер портретов, исторических и религиозных полотен, навсегда покинул Петербург и переселился на Украину, где купил небольшой хутор в Черниговской губернии, неподалеку от

станции железной дороги Плиски. Михаила Врубеля и Николая Ге связывали родственные отношения. В Черниговской губернии Врубель увидел заросли цветущей сирени и поразился им. Сирень стала темой самого сложного произведения художника, где проявилось стремление к преодолению пропасти между формой и содержанием, между формой-видимостью и сутью-смыслом. Стремление – вот оно, главное! Это движение, путь, поиск, жизнь, – вот это и есть творчество. Всякое обретение равно смерти. Оно делает невозможным дальнейшее развитие и совершенствование, – Зоя Петровна вздохнула и невидящим взором окинула аудиторию.

По какой-то неведомой волшебной дорожке путешествовала её повествовательная мысль. Она рассказывала о том, какие чувства наполняли сердце художника, когда он творил ту или иную картину, и в её словах никто не сомневался, а наоборот – проникался тем же настроением и запахом той эпохи, как будто путешествовал на машине времени.

Старческое, грузное тело рассказчицы не соответствовало тому яркому свету, что наполнял её душу, побужденному неисчерпаемым огнем искусства. Она уже давно путешествовала по галерее с венским стулом и все её слушатели – тоже, так как ей неловко было сидеть, когда вокруг стояли. Да и неспешность повествования с огромным информативным потоком удерживала Зою Петровну подолгу у каждого полотна.

– Кусты сирени плотно заполнили пространство картины,

создавая впечатление простёртости далеко за пределы картины. Изображённая сирень очень живая, она как бы «дышит», то возникая из общей массы зелени, то сгущаясь в элементах соцветия. Цветы сирени полны объёмом, наполненным природным, свежим сиреневым запахом. По большому счету, «Сирень» явила собой оформление живописного языка символизма. Примирила она, кстати, Врубеля с А. Бенуа, который, по собственному признанию, почувствовал, стоя перед картиной, запах весенних цветов. Но!!! Но!!! Но!!! Попробуйте оставить огромный букет этих волнующих цветов на столике в спальне! Вы проснетесь среди ночи с тревожным, тяжелым сердцем, наполненным удушающим запахом смерти, – Зоя Петровна зацепилась взглядом за русоволосую косу, лежащую на плече студентки. С косами теперь уже никто не ходит. Огромные голубые глаза, наивные и жаждущие жизни, распахнуто смотрели на неё и ждали: «Дальше, дальше! Что там еще могло спрятаться в сиреновой тайне картины!?»

– Главной особенностью картины является женский силуэт: девушка с хрупкой фигурой, как ночная фея, которая скрывается от глаз человека в сиреновом цвету. В сумерках она выглядит нечетко. Густые темные волосы, распущенные по плечам, и она сама как будто появляются из природного сиреневого буйства, обрушившего на вас среди ночи свой удушающий аромат. Это душа сирени. Это та самая, пробудившая вас среди ночи, давящая тоска и печаль одиноче-

ства. Немедленно распахнуть окно, впустить свежий весенний, прохладный воздух и выбросить вон эту гнетущую, волшебную охалку сирени, только недавно так восхищавшую вас нежным запахом, превратившимся в смерть, чтобы жить и видеть солнце, – Зоя Петровна замолчала.

Тишина зала Михаила Врубеля, глубокая и бесконечная, повисла в пространстве. Зрители и слушатели, стоящие поодаль, примкнувшие к группе, оглушенные и сосредоточенные, взирали на Зою Петровну и ловили каждое её слово. Когда она поводила рукой, призывая обратить внимание на ту или иную деталь картины, рука её еле заметно подрагивала. Подрагивали иногда и голова, видимо, Паркинсон был уже не за горами. Зоя Петровна произносила простые элементарные слова, но расставляла их так мастерски, что они превращались в аккорд и сливались в симфонии смысла живописи.

Я среди них – изгой. Случайный свидетель, оглушенный органом творческой личности. Мой незапланированный визит в Третьяковку запечатлел эту уходящую эпоху в лице Зои Петровны. Когда-то давно она вела у нас в классе рисование. Очень недолго. Прошло тысяча лет.

Сейчас я стою с тобой под буйно цветущим кустом сирени, пережидая дождь. Сильные капли пробивают листву и секут асфальт и землю около наших ног. Я чувствую запах твоих волос и знакомые духи, но перебить запах сирени они не в силах. Ты встаешь на цыпочки, срываешь пятилистный

цветок и быстро съедаешь его. Ты загадала желание и хочешь, чтобы оно исполнилось. Я знаю твоё желание и не могу ничем тебе помочь. Я, как Душа Сирени, ничего хорошего не смогу привнести в твою жаждущую динамики и успехов жизнь. Ты просто обязана открыть окно и выбросить меня вон, но ты прижимаешься ко мне, преданно заглядываешь в глаза и униженно спрашиваешь: останусь ли я сегодня у тебя? Как хорошо любить и как тяжело, когда любят тебя...

Один из современников художника позже, когда Врубель ослеп, написал: «Природа ослепила его за то, что он слишком пристально вглядывался в ее тайны». А мы просто разминулись во времени, а пространство нас подвело, притянуло, как разнозарядные частицы, и свершилось непредвиденное, ненужное, неожиданное. Я умоляю тебя взглянуть в тайны природы и увидеть, что нам не по пути, а ты, видимо, боишься ослепнуть...

Закуска

В деревне Озерки Эмской области моя мать и отец прожили всю свою жизнь, а я там только родился и окончил среднюю школу. Поступив в Московское высшее техническое училище имени Н. Э. Баумана, я окунулся, как и любой другой студент любого другого высшего учебного заведения, в студенческую жизнь по самую макушку. Поскольку я хорош собой, строен и выше первого роста, я пользовался большим успехом у прекрасного пола, поэтому «хвостами» оброс прямо с первого курса. Могу сказать одно: девчонки, которые меня просто обожали, они же и спасали меня от отчисления каждый год. Благодаря моему чувству меры, интуиции на уровне «кожей чую, пора тикать», галантности, экстрагалантности и щедрости, а еще везения, ни одна моя подруга не пересеклась с другой и не вцепилась ей или мне в волоса, хотя параллельно порой их существовало до восьми штук.

Образование я все же получил. На последнем курсе, ничто, кстати, не предвещало, да я и не собирался связывать себя никакими узами, тем более брака, Люська Шведова забеременела, и мне пришлось жениться. Люся проживала в Москве, хотя родилась на погранзаставе на Дальнем Востоке. Её отец, полковник запаса, коренной москвич, и прежде чем он получил квартиру в Москве после ухода в запас, они

с матерью и сестрой жили в полуподвальном помещении недалеко от станции метро Проспект Мира. Крупные чёрные тараканы носились по стенам подвала, и если ты его прихлопнешь, то раздаётся хруст ломаемых хитиновых крыльев. Жуткий звук.

К тому времени, когда пришло время рожать, полковник в запасе переоформил документы, и они вместо одной трехкомнатной квартиры получили две двушки. Нам с Люськой досталась квартира с окнами на Садовое кольцо. Я, конечно, по своей сути деревенский парень, как выяснилось со временем. Годы студенчества так измотали моё тело и душу, что как вспомню речку Дегтярку и её берега, небольшое болотце и цапель, стоящих каждые пять метров друг от друга, так сердце и защемит. Глядя на Садовое кольцо с его беспрерывным шумом и ядовитым воздухом, так и хочется взмахнуть руками и стартануть прямо в Озерки без посадки на дозаправку.

Первые годы совместной жизни, наполненные фонтанирующей молодостью, ограничивались таким запитыванием природой, как выезды на шашлык в Подмосковье, но со временем мне стало невыносимо мало этого, а когда умер отец, и мама осталась одна, я стал с упрямой и нерушимой упорностью приезжать в Озерки и проводить там свой отпуск. Как ни пищала моя многострадальная Люська, как не предлагал её папаша Гагры и Эссентуки, мы с дочкой стояли на своем. К тому времени дочке Лизке было уже 10 лет. Сделали

небольшой перерыв для рождения Васьки, малость подождали, пока он от памперсов отлипнет и – опять в Озерки.

Наполненная редкими природными звуками тишина с далеким монотонным звуком кукушки; пролетающие с характерным кряком толстые тушки уток; чистейший воздух с запахами разных месяцев: то цветущего июня, то плодоносного августа, – все это умиротворяло мою душу и сердце до степени гармонии в душе. Если я собирался на рыбалку, то дочка Лизка всегда тащила со мной, а в дальнейшем рыбачила так, что давала мне фору. Мы сидели на пустом берегу и слушали, и впитывали природу, а она лечила наши души и тела совершенно бесплатно, то есть даром.

Мой друг детства Петя Карташов окончил в Казани военное училище, воевал в Афганистане, комиссован по ранению. В Озерках мы встречаемся редко, но метко. Петр стукнул калиткой в тот самый момент, когда Ваську Люська уже уложила спать, а моя мама и Лизка дулись в карты на терраске.

Мама, было, начала ворчать вместе с моей женой, но мы так крепко обнялись с Петром, что они все быстро поняли и накрыли нам на терраске. Люся сказала: «Спорить бесполезно, я его знаю». Мама добавила: «Это точно».

Сначала мы выпили за встречу. Немножко повспоминали. Потом Петр начал рассказывать про Афган. Мы смеялись и плакали, а когда кончилась закуска, вышли в сени пошукать чего-нибудь и нашли горшок с вареной, почему-то

очень мелкой, картошкой. Мы покурили, нетвердо покачиваясь на крыльце. Вернулись к столу, и выпили за нашу многострадальную Родину. Никуда не лезем, на Японию атомных бомб не бросаем, на Европу не нападаем, а всё, блин, империя зла, блин.

Мы доели картошку, на дне обнаружили какую-то ботву, горох и кукурузу. Съели всё и расползлись по домам.

Душевный парень мой друг Петр, не сноб, хоть и имеет право, награжден неоднократно, а не заносится. Люблю я его. В окно на меня смотрела яркая ночная звезда, глаза мои закрылись, душа моя была наполнена счастьем...

Утром с тяжелой головой я никак не мог понять, о чем меня грузит мама, какой-то горшок, какое-то пойло, для поросёнка, и что: чем теперь его кормить? И что нужно опять готовить! Весь горшок вылизали и лебеду съели и горох с кукурузой, чистые свиньи. Без разбору, как из корыта...

Тут до меня дошло, что за суперская закуска нам досталась. Мама вынесла в сени, чтобы остудить пойло для поросенка, и тут мы с Петром. А, впрочем, какая разница, чем закусывать, главное, чтобы друг был душевный!!! А поросёнку еще наварим...

Давно-давно, до интернета

Судоремонтный завод занимал часть северного, восточного и южного побережья бухты. В этом месте в бухту впадала речка, которая в период дождей или тайфунов имела обыкновение разливаться. Бухта делила город, раскинувшийся на её берегах, пополам, и получалось, что судоремзавод расположен прямо в центре города. Это было самое красивое и лучшее место, так мне, двенадцатилетнему мальчишке, тогда казалось. Я любил смотреть на ощетинившиеся портовыми кранами берега, на перемещение огромных стальных стрел в пространстве. Любил слушать звуки, создаваемые железными листами бортовой стали, когда они срывались и падали, громом с раскатами ударяясь о землю; гудки пароходов и военных кораблей. Вообще шумы обычных сухопутных городов похожи, так же и похожи интонации портовых городов, но это совсем другое звучание, особенно когда туман и гудят, швартуются суда или перекликаются на рейде корабли и всегда над плещущей водою бухты покрикивают чайки. Мне нравилось пересекать бухту на рейсовом катере туда и обратно, обозревая морские дали с борта, чтобы увидеть днища судов в плавучих доках, ржавые, потрескавшиеся, обросшие раковинами и водорослями. Я тогда даже и подумать не мог, что весь смрадный смог от сварки железных гигантов напитывал город тяжелым отравленным воздухом,

а рыбу, выловленную из мутной воды моей любимой бухты, лучше не есть.

На первом курсе университета, в аудитории, где окна выходили на причал, я забывал о теме занятий, мечтательно погружаясь в туманную дымку порта со стрелками кранов и мачт кораблей. Нельзя сказать, что я хотел быть моряком или судоремонтником, но город, наполненный людьми этой профессии, связанной с морем, отпечатался во мне неким тавром, как клеймо на лошади. Мы ходили вразвалочку, знали множество морских терминов и, когда знакомились с девочками, они ни на секунду не сомневались, что я, если ещё не моряк, то курсант морского училища точно.

На пятом, последнем этаже нашего многоквартирного дома, проживала семья клепальщика. Вообще почти весь наш дом состоял из семей рабочих, за редким исключением. Учитель Владимир Дмитриевич Плетнёв и его жена после университета преподавали в нашей школе математику и географию. Это её голос равнодушно прозвучал в подъезде, когда она с гостьей поднималась по лестнице, а я торчал у двери, забыв дома ключ в ожидании бабушки: «Нужно меняться и съезжать отсюда. Тут одни работяги!».

Действительно, так и было. В нашем доме проживали люди рабочих специальностей: сварщики, клепальщики, монтажники, докеры, стропальщики, а мама моего друга работала на огромном кране крановщицей. Ныне клепка на судах, наверное, ушла в прошлое, но мы, дети нашего двора, хоро-

шо знали, что клепальщики почти все глухие из-за безумных децибел, разрушающих слух трудящегося при клёпке.

Татарин Хафиров Петр Фаридович, клепальщик первого разряда, был женат на Зинаиде Николаевне Яночкиной, белорусской национальности, работающей на нашей улице дворничихой. Более нелепой пары и найти трудно. Она высокая, сухощавая, как раньше коротко говорили в народе – белобрысая, а он – маленький, коренастый, смуглый. Они вдвоём и рядышком так и не ходили никогда, по крайней мере, я такого не припомню. Семья как семья, хотя под руку не прогуливаются, но детей нажили троих. Старшая дочь, Люська, училась со мной в одном классе. Следом шёл брат Гриша, а самой младшей, пяти лет от роду, была Яна, которую все дразнили немой. Кроме слов: «Ди-да-дида и тая-тая», она ничего не произносила. Этими словами обозначала практически все действия и все просьбы, а тетя Зина говорила, что все её дети начинали разговаривать очень поздно, поэтому Янка обязательно заговорит, но – потом... Сплетницы на лавочке судачили, что Хафиров-старший «настрогал» младшую по пьяному делу и ожидать тут нечего, ещё поговаривали, что он Зинку поколачивал, но сор из избы никто не выносил. Эти подробности нам сообщала Танька – сплетница, которую вечно прогоняли взрослые бабы, промывающие кости всем на огромной скамейке во дворе:

– А ну, пошла отсюда! Иди вон с детьми в песочнице играй! Развесила уши! Шесть лет всего, а как баба старая!!! –

ворчали она на Таньку, которая подтянув зелёную соплю, демонстративно уходила за угол забора, где, затаив дыхание подкрадывалась как можно ближе обратно к углу, чтобы оттопыренным ухом уловить все новости большого дома.

Никому из взрослых и в голову не приходило пасти своего дитя на прогулке на улице. Стихия дворовых детских отношений того времени на удивление была обострённо справедливой. Никто не обижал маленьких, все презирали «хлюздящих» и жмотов. Ценились честность, щедрость и справедливость. На каждом этаже двухподъездного пятиэтажного дома находилось по четыре квартиры, и почти в каждой были дети, а то и по двое, а то и по трое детей. Иногда вечером собирался табун разновозрастной детворы, которая прыгала на веревке, играла в «Кзаков-Разбойников», в «Вышибалу», в «Страны», скакала в классики, припрятывала секретики, гоняла в пятнашки. Пар шёл от каждого, вышедшего погулять, и домой он возвращался, как выжатый лимон, голодный и способный только спать, чтобы завтра с новыми силами окунуться в такую невыносимо прекрасную жизнь...

Пятнадцатого сентября, на третьей неделе от начала учебного года, на перекрёстке перед школой Гришу насмерть сбил грузовой автомобиль. Тетя Зина сидела у небольшого гроба с сухими воспалёнными глазами и беспрерывно гладила мёртвого мальчика по лысой побритой голове и поправляла на его лбу ленточку с образами, которая прикрывала чёрную рану на виске.

Одни говорили, что шофер не притормозил перед школой, хотя там был знак «Осторожно, дети!»; другие утверждали, что мальчик прицепился к кузову руками, чтобы прокатиться; третьи авторитетно и категорически заявляли, что он выбежал на проезжую часть неожиданно, так как мальчишки играли в футбол, и он побежал за мячом... Какое это всё теперь имело значение, когда её любимого сыночка сейчас закопают в землю навсегда! События на кладбище, где скорбь разлита так щедро, что и дьявола не удивишь, все же повергли в шок всех присутствующих. Окаменевшая мать с нервным поглаживанием головы мальчика вдруг как будто перешла черту. Обняла ребенка, прижала к себе и хоронить не давала. Её с трудом оторвали от тела, потерявшей сознание, мазнули нашатырём, давая вдохнуть рвотный запах лекарства, и домой повели втроём, почти понесли: ноги онемели и отказались переступить.

До Морского кладбища пешком всего час ходьбы. Тётя Зина стала ходить туда каждый день и разговаривать с Гришей, чтобы ему там не страшно было одному. Дом заброшен. Обедать нет. Люська бегает за хлебом и молоком, после школы присматривает за Янкой.

Я видел, как тётя Зина утром, зажав рукой платок под подбородком, как будто ей холодно, быстро шла по дороге к тропе, ведущей на Морское кладбище.

Никто не мог ничего сделать. Она не слушала ни мужа, ни соседей, ни подруг, ни дочь. Её не было с живыми. Высо-

кая, сухощавая, с белыми скорбными губами и опрокинутыми внутрь глазами, она с решительным видом творила что-то очень важное для неё и для её мальчика. Пустым взором смотрела вокруг, не понимая, чего от неё хотят.

Сентябрь стоял жаркий. Температура днём достигала 24–25 градусов. В этой широте сентябрь практически летний месяц. Еще ни единого желтого листа, солнечно, небо ясное, синее, а облака, если и пробегут, то где-то там по краешку. И такая благодать Божья на дворе, что кажется, будто смерти нет.

Около свежей могилы, усыпанной засохшими цветами с венком из красной материи, сидела мать и раскачивалась, как будто под музыку. Она даже не успела вскрикнуть, когда грязные мужские руки схватили её за плечи и повалили на землю.

Когда она возвращалась с кладбища в грязной, разорванной одежде, без косынки, её белёсые волосы, растрепанные и вздыбленные, завешивали глаза, огромная кровавая царапина начиналась на лбу и, пересекая все лицо, скрывалась на шее за воротником, почти все жители дома в ужасе следили за её неторопливой походкой.

– Что случилось, Зина?! – крикнула соседка Маруся.

– Ничего. Я убила чёрта, – почти весело произнесла она.

Спустя несколько дней тётя Зина вышла на работу.

Никакого чёрта она не убила, но бомжеватый разбойник,

развлекающийся на кладбище, наверняка получил сотрясение мозга. Каменистая местность приморского городка щедрa на булыжники разного вида и размера. Спустя много дней тетя Зина с удивлением вспоминала:

– Откуда взялись силы, не знаю! Я ведь долго ничего не ела, только воду пила... Он повалил меня, а я думаю: вот и смерть моя пришла. Хорошо бы!!! Там аралия колючая росла, лицо мне разодрала. Кровь брызнула, и я как будто проснулась. Э, думаю, не дамся чёрту!!! Схватила камень и ка-а-ак садану его по голове! Он тут же и помер. Я вскочила и – бежать. Иду, и стало мне радостно. Вспомнила, у меня же еще дети есть. Нужно в милицию сообщить. Пусть чёрта похоронят.

Сколько я её помню, частенько её фигура маячила на крыльце у дверей нашего подъезда, высокая, сухопарая, чуть сутуловатая, с метлой в руке.

Спустя десять лет я уже жил с родителями в Новосибирске, а в родном морском городе был проездом, и ноги сами привели меня во двор, где я родился и вырос. Всё так же шумело сентябрьское лето, и у подъезда стояла тётя Зина, долговязая и худая. Когда я подошел поближе, я увидел, что копией тети Зины стала выросшая Яна. Только она стояла без метлы. Говорить она так и не научилась, и струйка слюны стекала по подбородку за шиворот.

Два mistera

Высокий, стройный, немного сухощавый, с волнистыми русыми волосами майор медицинской службы Грюков Владимир Исаевич еще при прохождении службы в Германской Демократической республике подружился с майором медицинской службы Гобием Борисом Петровичем, крепко скроенным, с косою саженью в плечах, могучими, сильными руками.

Приказом № 247 от 15 мая 1975 года оба были командированы из Германии в город Ленинград для поступления в Военно-медицинскую Академию имени С. М. Кирова.

Такой удачи никто и не ожидал. Известно, что Военно-медицинская Академия основана в 1798 году Указом Императора Павла I и с момента создания носила наименование «Медико-хирургическая Академия». Это образовательное учреждение является старейшим среди военных академий и медицинских ВУЗов страны. Академия в дальнейшем неоднократно переименовывалась: в 1808 году – в «Императорскую Медико-хирургическую Академию», в 1881 году – в «Императорскую Военно-медицинскую Академию». Вскоре после учреждения академия была возведена в ранг «Первых учебных заведений империи» и до 1917 г. совмещала функции учебного заведения и Академии медицинских наук.

В 1918 году академия стала носить название «Военно-медицинская Академия», а в 1935 году была переименована в «Военно-медицинскую Академию имени С. М. Кирова».

Так как Военно-медицинская Академия являлась основным центром профессиональной подготовки военных врачей, путевка на повышение своего уровня медицинского образования выпала двум майорам одновременно, что не всегда бывает хорошо.

Два друга легко и успешно сдали экзамены и, переполненные чувствами хорошо сделанного дела, удовлетворения и полноты собственного достоинства, почувствовали, что имеют полное право на праздник души и тела. В Ленинграде на Васильевском острове проживал любимый дядя майора Грюкова, к которому они на радостях и поехали.

В портмоне каждого из майоров лежали билеты на самолет в Германскую Демократическую республику. Билеты были приобретены на рейс немецкой компании, поэтому в каждом билете фигурировали фамилии офицеров, которые предварялись приставкой «мистер» (mister). В советское время, как известно, все были товарищи и друзья, никаких господ и мистеров в Советском Союзе не существовало, поэтому друзья пошутили по поводу «мистера Гобия» и «мистера Грюкова», исполняя реверансы и книксены по отношению друг к другу.

– Мистеру Гобию! – поклонился и шаркнул ногой Грюков.

– Мистеру Грюкову! – присел и согнулся в сатирическом поклоне Гобий.

На улице Тифлисской Васильевского острова, упирающейся в набережную Макарова, одной из самых коротких улиц острова, их с нетерпением ждали. Улица Тифлисская сложилась в первой трети XVIII века, когда с левой стороны был сооружен Старый гостиный двор, а с правой – дом московского губернатора К. А. Нарышкина, который с 1730-х годов занимала портовая таможня. Здесь веяло прошед-

шими веками и историей России. Рассматривать старинные особняки не входило в задачи страждущих офицеров. Они стремились к душевным родным и близким и к богато накрытому столу с закусками и, соответственно, напитками. «На Руси заведено: длинных тостов не бывает, водку пьём, а не вино, водки вечно не хватает...» – как поют барды. «Все торопимся сказать, сердце бьется, веселится, чтобы удаль показать, а не то, чтобы напиться...». За здоровье всех, кто здесь, за счастье, за моряков, за артиллеристов, за военных врачей, за успехи, за отъезд и за приезд... тосты, короткие, как выстрел, ложились автоматной очередью на распахнутую душу слушателей академии. Гобий точно помнил, что рейс ранний и надо успеть до того, как разведут мосты, но расчет на могучий организм товарищей майоров оказался неточным. Когда они гнали таксиста нетрезвыми голосами, было уже поздно... Мосты развели, и надеяться можно было только на чудо.

– Пэслушэй, – медленно растягивал слова отяжелевший от усталости Владимир Исаевич, – Прэдлагаю вернуться, капэльку поспать и утром-м-м....

– Э, нет! – категорически отрезал Гобий. – Ночуем на вокзале и первой лошадыю успеем, а если вернемся, то – крантец!

На вокзале не то, что яблоку, – вишенке некуда было упасть. Прорва народа занимала все квадратные сантиметры площади вокзала, а на улице полоскал беспросветный ленинградский дождь. Протиснувшись к стойке с закрытым окном и зажав баулы между ног, они попытались облокотиться на

пятидесятисантиметровую полочку, чтобы прислонить парящие в пространстве с кувирками в воздухе хмельные головы. Глаза закрывались сами собой. Локти съезжали с пьедестала, и подпертые ладонями головы шумно падали прямо в пропасть.

– Упали-с, мистер Грюков? – нагло иронизировал Борис Петрович.

– Вас не спросил, мистер Гобий! – парировал Владимир Исаевич.

Грюков, пытаясь удержать тело в равновесии, задевал окружающих людей и низким хриплым голосом говорил: «Пardon, твою мать». Гобий безуспешно пытался пристроить свое могучее плечо на крохотную полочку и хоть как-то зафиксироваться, но тщетно. Ближе к утру они выползли на воздух.

– Ну, как Мистер Гобий? Пить надо меньше?

– Да уж, Мистер Грюков. Надо меньше пить. Вас не остановишь, берешь дистанцию и прешь, как танк, до упора.

– Ты как хочешь, а я летать не люблю. Мне надо добавить.

Когда-то давно, несколько лет назад, его друг с женой и детьми погиб в авиационной катастрофе, с тех пор Владимир Исаевич, если можно не лететь – не летел, а если нельзя, то только без сознания, то есть напивался до бесчувствия.

– Если ты добавишь, я тебя не понесу. В самолете добавишь, – сурово пресёк дебаты Борис Петрович.

И они стали таращить глаза в предутренний серый туман

и молча ждать, когда лягут мосты.

– Нельзя на тебя положиться, мистер Грюков. Горазд ты водку жрать. Безответственный ты чел.

– От такого же слышу, мистер Гобий!

И они, с усилием разлепив безнадежно закрывающиеся глаза, с надеждой всматривались в туман хмурой белой ночи.

23.08.52

Надоел этот суп с фрикадельками. Что сварить на обед? – Чёрт его знает. Хочется как можно быстрее сварганить какую-нибудь о-о-очень вкусную диетическую еду, при этом полезную, и чтобы – на всю неделю, и целых шесть дней не заморачиваться этим противным, но необходимым занятием. Моя покойная бабуля каждое утро начинала вопросом, обращенным к уходящей на работу маме:

– Ниночка, что приготовить на обед?

А мама всегда говорила одно и то же:

– Приготовь что хочешь... – и, убегая, добавляла: – Ну, суп какой-нибудь... или борщ... – доносилось уже издалека.

Я сидела и делала уроки, невнимательно уставясь в учебник третьего класса, и думала: «Что тут спрашивать? Сварила макароны, да и все дела!».

Эта «оригинальная» мысль взбодрила меня. Я поставила воду для макарон, потом мне стало стыдно: муж любит первое и второе, и третье, и я принялась чистить картошку, лук и морковь – для борща... Слава богу, мне сегодня в налоговую и у меня еще целых два часа до выхода из дома... Переключая программы телевизионных передач и избегая последних новостей, от которых у меня ноет желудок, я оставила бодренькую музыку, которая оказалась «Торжественным маршем» Мусоргского.

О траектории движения кухарки по кухне во время приготовления обеда, к сожалению, не написано ни одной диссертации. А ведь по этим незатейливым чертежам можно судить и об уровне интеллекта этой самой кухарки, то есть насколько рационален выбранный ею алгоритм движений, и об её физиологическом состоянии в этот «праздничный» день. И вообще, здесь такой простор для научных трудов по психологии личности, что просто диву даешься, почему об этом пишут только шутки юмора, в то время как пропадают пласты неисследованных конвульсий бьющейся в одиночестве на кухне женщины обыкновенной, которая пытается сэкономить и из одного кусочка мяса приготовить, как я уже говорила, первое, второе и третье (под третьим подразумеваются пирожки с остатками фарша).

Время пошло, и я, выбравшая, как мне казалось, самый оптимальный алгоритм, пустилась его осуществлять. Мысли неслись в голове, как цирковые кони по кругу. Я провернула не только фарш из мяса, но и все свои мысли, связанные с «налоговыми» делами, и даже после – налоговые маршруты. Музыка, подхлестнувшая моё тело и взнуздавшая мои мысли, сменилась научно-популярным журналом: «Мы и Вселенная». Сквозь две парящие паром кастрюли и пышущую жаром духовку я услышала: «...на поверхности температура около 6000° Кельвина, но по мере погружения к ядру температура и давление возрастают. К тому времени, как вы достигнете ядра, температура будет около 15 миллионов гра-

дусов Кельвина. При таких температурах и давлении начинается реакция термоядерного синтеза...».

– О чём это они? – подумала я, и вдруг до меня донеслось:

«...Насколько вы знаете, время от светила до Земли луч света достигает за 8 минут, а вот излучение в виде солнечных вспышек доходит до Земли за гораздо большее время...»

Я прекратила метаться, застыла и присела на табуретку.

«...Путь света из ядра измеряется веками... В результате реакции термоядерного синтеза высвобождается огромное количество энергии в виде фотонов. Эти фотоны испускаются и поглощаются молекулами газа. За время жизни фотона этот процесс происходит миллионы раз. Удивительно, но, чтобы выбраться из центра, фотону требуется 200 000 лет для достижения поверхности. Свету требуются сотни тысяч лет, чтобы добраться от ядра к поверхности. Луч же от Солнца до Земли долетает всего за 8 минут...»

«Восемь минут! Восемь минут!!!» – билось в моей голове.

Я устало протянула руку и выключила все кастрюли и духовки...

* * *

От Диомида до улицы Тальцевской я добиралась почти всегда на катере, потому, что поездка на трамвае вокруг бухты ровно в два раза увеличивала мой путь и съедала время. Время, время!!! Сколько его было мною истрачено попусту!

И только спустя годы я смогла понять, да и то не до конца, какая это великая роскошь!

Двадцать пять лет назад мне, уже три года как окончившей университет, досталось место всего лишь навсегда лаборанта, но я очень старалась и целенаправленно стремилась в МНСы. Расшифровываю: младшие научные сотрудники. ТИПРО, где я работала, звучал как Тихоокеанский научно-исследовательский институт рыбного хозяйства и океанографии, а научные работы нашей лаборатории были связаны с изучением обрастаний. Обрастания – это нарост, образуемый на погруженных в воду искусственных предметах поселениями организмов: бактерий, водорослей, беспозвоночных животных и минеральными частицами.

Нельзя сказать, что я положила бы жизнь на эти, как мне тогда казалось, неимоверно интереснейшие и уникальнейшие исследования, что и последовало в процессе перестройки и рухнувшего Советского Союза. Чтобы выжить во времена перемен и заработать на кусок хлеба, пришлось стать обыкновенным бухгалтером и забыть о мечтах и иллюзиях, связанных с какими-то водорослями и беспозвоночными.

Утром в одно и то же время со мной на рейсовом катере путешествовал мальчишка шестнадцати лет на первый курс в университет. Поглядывал на меня дерзко. Сначала кивал, потом вызывающе здоровался. Целый год прошёл незаметно, а когда второй год пошел по кругу, мы уже беседовали ни о чём весь путь, двадцать минут туда, на тот берег. По-

том он стал меня подкарауливать, и мы уже плыли на катере туда и обратно. Сырым туманным утром, в ожидании катера, мы стояли пирсе и, опершись на поручни, наблюдали раннего рыбака девяти-десяти лет. Он профессионально забрасывал удочку прямо в центр лениво фонтанирующей городской канализации и каждые три минуты вытаскивал ерша или селедку. Катер швартовался. Вдруг из канализации медленно выплыли два белых презерватива и поплыли рядышком вглубь красавицы бухты, как будто не хотели расставаться. Я почему-то покраснела, а мой спутник развеселился и сказал:

– Их жизнь в морских глубинах, видимо, будет более интересна, чем раньше, но менее восторженна...

Я покраснела еще больше, как перед взрослеющим ребёнком, который узнал или увидел то, что ему еще рано знать.

Его детские ухаживания сначала раздражали меня, а потом я строго побеседовала с ним и приказала прекратить меня преследовать. Целую неделю я не встречала влюбленного мальчишку и даже заскучала без него, а потом началось лето и всё забылось, каникулы у студентов, отпуска у трудящихся... Когда в день моего рождения кто-то подхватил сзади мои сумки с бутербродами к праздничному столу на работе, я опешила. Высокий возмужавший, широкоплечий красавец с русыми кудрями до плеч по моде того времени, ошеломил меня: во-первых – поздравлением, во-вторых – подарком.

Спустившись по сходням с катера, погрузив мои сумки

на лавочку у парка Горького, он протянул мне коробочку, плотно завернутую в красную бумагу, и сказал:

– Угол отклонения оси вращения небесного тела от перпендикуляра к плоскости его орбиты равен приблизительно 23° . Это наклон оси вращения Земли 23° , понятно? Фотоны, то есть лучи от Солнца до Земли долетают за 8 минут, а год содержит 52 недели. А твой день рождения навсегда зафиксировал двадцать третье число, при этом восьмой месяц август тоже станет навсегда твоим. И если в году всего пятьдесят две недели, то ясно, что Вселенная всегда с тобой, и Солнце, и обогретая им Земля. Будь счастливой! Этого я тебе желаю!

* * *

«...Внутри ядра четыре атома водорода объединяются в ядро гелия. Этот процесс происходит бесконечное количество раз каждую секунду. Более 600 миллионов тонн водорода превращаются в гелий каждую секунду. Солнце преобразует массу водорода, эквивалентную массе Земли, каждые 70000 лет... Плоскость экватора Земли образует угол около $23,44^\circ$ с плоскостью эклиптики... Наклон оси вращения Земли является основной причиной сезонных климатических изменений... смены времен года...» – голос ведущего за кадром продолжал рассказывать о солнечной системе и процессах на поверхности и в недрах этого раскаленного

шара. А я опаздывала к условленному времени в эту чёртову налоговую и не могла сдвинуться с места... В той, давно забытой, коробочке были французские духи, которые стали моими любимыми на всю жизнь. Где он взял их в нашем портовом городе в 1985 году?

За миг до откровения

Серия 1: «НЕСРАВНЕННЫЙ ПЬЯЦОЛЛО»

Я опоздал на концерт. В полутемном Камерном зале Дома Музыки я отыскал свободное место и сел с самого края десятого ряда. Целенаправленно приобрести эти долгожданные билеты помог Игорь Львович, мой давний знакомый, как и я, любитель танго. Ансамбль струнных инструментов «Эрмитаж» под управлением Н. Ж. Норштейна исполнял ассорти из произведений Годэ и Пьяцоллы. Все композиции посвящены музыке танго разного времени, начиная с 30-х годов. Исторические экскурсы в прошлое в музыкальном течении мелодий, виртуозно представленные скрипкой Норштейна, так захватили меня, что смутное, недовольное собой настроение как рукой сняло. Куда-то исчезла усталость этого жаркого летнего дня. Суета и нескончаемые проблемы на работе, требующие моего непосредственного участия, растворились и исчезли, и я увидел окружающий мир. Полумрак зала мне уже не казался темным, скорей – таинственным, вечерним или ночным аргентинским побережьем, где на сцене, под ритмичную, страстную музыку с минуты на минуту – сейчас – выйдут пары и начнут эротичное движение, обо-

значив ярко и с чувством мелодику интимной близости этого любовного танца.

В четвертом ряду я увидел тебя. Твой коротко стриженный затылок с волной зачесанных волос и полупрофиль как будто прострелили моё сердце. Я сразу вспомнил, как отчаянно ты боролась с завитками, так как в латиноамериканских танцах принято было гладко укладывать волосы, а непослушные колечки нарушали классику жанра. Сколько лет мы танцевали вместе? Восемь? Десять? – уже не помню. Значит, до сих пор наши с тобой пристрастия остались прежними. Ты тоже пришла на этот концерт. Ты была здесь, рядом, дышала и чувствовала, смотрела и наслаждалась. Может быть, чтобы окунуться в прошлое, а может быть, ты еще танцуешь, но только уже не со мной.

Каким ослепительным было начало нашего увлечения танцами! Я думаю, ты не стала бы отрицать, что именно любовь позволила нам так стремительно взлететь на пьедестал первой пары города по исполнению аргентинского танго. Каждый знает, что в любом деле или увлечении любовь и только любовь изыскивает те максимальные и неисчерпаемые резервы, те редкостные и присущие только вам причудливые фантазии, которые дают силы творческому полёту и делают вас уникальными, не похожими ни на кого, единственными в своем роде.

Стиль Tango Nuevo с элементами джаза и классической музыки, родоначальником которого и стал Астор Пьяццолла,

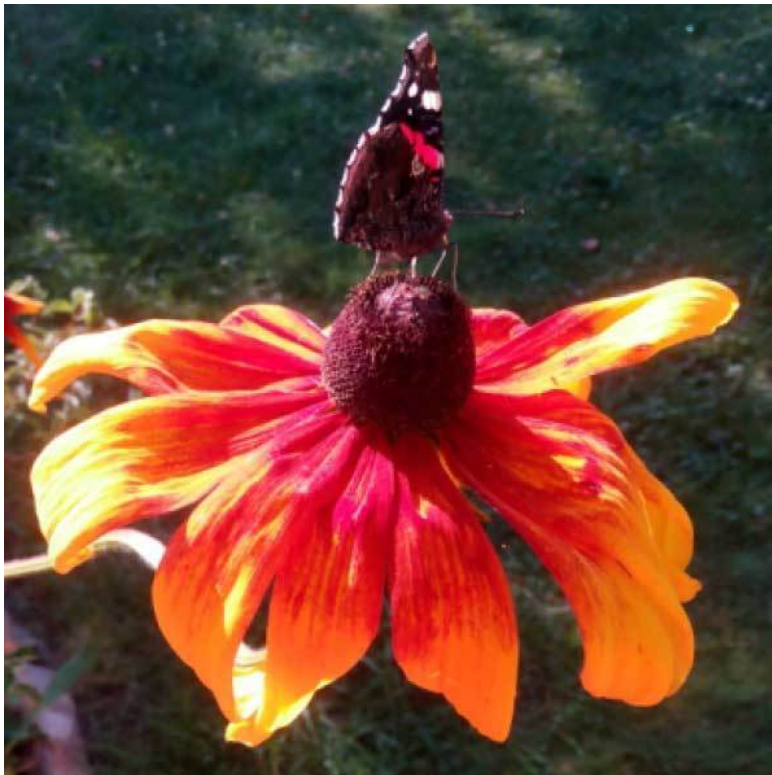
невероятно плавно вплетает вас в орнамент завораживающего космоса звуков танго. Мелодия несёт вас в мир страстных любовных приключений, и порой нашим фантазиям невидимо границ. Именно Либертанго сделало наше выступление победоносным. Ты была так пластична и неистово резка в исполнении болео и цепочки, кудрявая прядь выбилась из плена, и последнее движение ганчо при завершении танца после энтрадо распушило твою буйную голову... Румянец разлился и по щекам и даже пополз по шее. Как медуза Горгона ты смотрела на меня, завитки волос, как змеи, стояли нимбом вокруг головы, только в глазах твоих стояли слезы любви, а не смерть. Они сверкали, как алмазы, и брызнули, как только начались овации в зале.

Мы были молоды, и никто не смог бы убедить нас в том, что какой-нибудь пустяк, ничтожный случай, глупая черта характера – упрямство, гордыня, злость – могут круто изменить твою судьбу и перечеркнуть все грандиозные планы.

Перед поездкой в Финляндию на конкурс какой-то шут с развеселой компанией таких же сбил нас на скутере около твоего дома. Разорванные связки стопы тебе рекомендовали лечить всю оставшуюся жизнь. Ты не смогла мне простить замену партнерши, а я расценил твой поступок как махровый эгоизм. На самом деле поездка на конкурс пахивала простым предательством. Мы с новой партнершей не заняли там никакого призового места. Неприятное ощущение от поездки не проходило достаточно долго. Как будто ты замешан

вместе с тестом в ступе и не можешь выбраться из огромной кадки и принять горячий душ. Эта липкость длится, длится, а на душе скверно и непонятно отчего.

Восторг и ликующее предчувствие только от звуков Либертанго наполняли мою душу почти всегда. Вдруг все исчезло. Мое сердце перестало отзываться на звуки музыки. Неприятное чувство паники души залихорадило меня. Я испугался. Не знаю, чего.

Я поспешил вернуться к тебе, а твоя мама сказала, что ты уехала к отцу в Германию на ПМЖ. Взбешенный, я думал, что ты мне мстишь. Наверное, я и сейчас так думаю.

Ты наклонилась к немолодой даме и что-то прошептала ей на ухо. Мне показалось, что на тебе та же блузка с кружевным воротничком, которую ты так любила, и которую тебе

прислал отец из Германии, когда ты училась в школе.

– Какая глупость, – подумал я. – Школьное время миновало почти двадцать лет назад, а я все измеряю мир старыми ассоциациями. Та блузка давно истлела.

Объявили антракт. Реостат медленно возвращал свет в Камерный зал. Моё сердце билось, как молот о наковальню. Я очень хотел и очень боялся встречи с тобой. Твоя немолодая подруга поднялась, медленно и тяжело. Ты вскочила легко, как будто тебе семнадцать лет. Каждый следующий удар моего сердца мог стать последним. Я был на грани побега. Ты обернулась, скользнула взглядом по моему лицу, и я увидел чужую женщину, ничего общего не имеющую с тобой. Боже мой, какое сходство. Затылок. Профиль.

Я выбежал из зала и не остался на второе отделение.

Серия 2: «ЕГО ВЕЛИЧЕСТВО СЛУЧАЙ»

Мы опоздали на концерт. Я встречала Майку в аэропорту, и мы, конечно, попали в пробку. Несмотря на лето и слышавшую массу народа из Москвы на дачи и курорты, гости столицы заполняли город весело и активно.

Я, как мне казалось, очень хорошо рассчитала: между прилетом Майки и концертом «Несравненный Пьяццолло» целых четыре часа. Аэропорт Шереметьево практически рядом с Москвой, поэтому мы обязательно успеем, тем более что готовила я её к этому походу в Дом Музыки заранее, по-

что за полгода.

Майка с дороги, но свежа, как утренняя роза.

– Доча, ты устала? – иронично спросила я. Она рассмеялась и крепко обняла меня за шею, облизав поцелуями мою французскую косметику.

– Да уймись же ты!!! – заворчала я. – Ну вот, всю красоту мою слизала...

– Мамочка, ты всегда прекрасна и эти ничтожные добавки к твоей красе совершенно ни к чему! Опять ты подстриглась. Тебе идет подлиннее. Ну, скажи, почему у тебя кольцами и локонами, а у меня в разные стороны торчат? Почему у тебя ножки тоненькие, а у меня такие кадушечки?

– Перестань молоть ерунду, лучше расскажи, пока мы едем в такси, как там твоя учеба и вообще, как дела?..

Когда улица Валовая была позади, и мы выскочили на площадь перед Светлановским залом, концерт шел уже десять минут. Стремглав спускались к Камерному залу, и у Майки расстегнулась босоножка, и она принялась её поправлять, а я, устремив свой взор за стеклянные двери входа, немного растерялась и даже чуть-чуть остолбенела. За прозрачным входом скрывался Ты.

Я тебя сразу узнала по легкой пружинистой походке и небрежно грациозному движению левой руки. Наш преподаватель по танцам всегда ставил твою левую руку в пример всем: «Смотрите и учитесь, у него танцует все тело и руки в том числе. Если рука не держит партнершу, то это не значит,

что она должна висеть как плеть, она обязана танцевать...».

Я застыла, чтобы унять бой сердца.

– Ма, что такое? Тебе плохо?!

– Все в порядке. Пошли, только не торопись...

– То побежали, то – не торопись... Тебя не поймешь. Мы опаздываем или нет?

– Давай водички купим в буфете.

– Ма, пол отделения уже прозвучало! Кто у нас обожает Пьяццоллу? Ты? Или я?! Ну пошли, купим водички...

Я видела, в какую дверь ты вошел, и попросила консьержку впустить нас в другую. В полумраке зала мы опустились на свободные места прямо у входа, где-то в двадцатом ряду. Oblivion звучал во всю мощь струнного оркестра, а я не могла ни о чем думать, кроме как о том, что ты где-то рядом в темноте, сидишь и непременно смотришь на меня. Когда глаза привыкли к полумраку, отгремели аплодисменты и начался Adios Monino, я осторожно повернула голову и стала искать тебя. Ты прошел вперед и сел в десятом ряду, поближе к музыкантам. Твой неподвижный профиль мне был хорошо виден. Как мало ты изменился! Видимо, пришло время сообщить тебе те самые новости, которые скрыты были столько лет от твоей ткани жизни. Не думаю, что ты будешь огорчен. Ведь судьба сама решила, что пора тебе познакомиться с моей любимой Майкой. Когда ты уехал на конкурс, я прорыдала три дня, пока мамочка не сказала, что сырость уже на первом этаже и тетечка Таня со второго этажа инте-

ресовалась, откуда плесень взялась на кухне? Я, конечно, не знала еще, что беременна, хотя уже на тренировках меня периодически мутило. Отец давно звал меня к себе, и я ухватилась за эту ниточку, решив для себя, что, если ты будешь меня искать, всё еще можно склеить, а если нет, так и суда нет.

Вот сегодня – кто бы мог подумать! – судьба решила за нас с тобой. Такой подарок, как Майка – это царский подарок. Когда-то в детстве на её вопрос: «Где мой папа?» я ответила, что он живет в другой стране, и когда ты вырастешь, ты поедешь и встретишься с ним. За последующие годы она больше никогда не спрашивала о тебе.

Музыка танго будоражила мою душу, но мысли, встревоженные событием возможной встречи с тобой, здесь, на концерте музыки Пьяццоллы, под которую сплетались наши тела и радость танца любви поднимала нас до облаков в прямом и переносном смысле (мы ведь заняли тогда первое место на конкурсе в Москве), не давали мне отдать душу звукам мелодии. Рядом сидела Майка и поминутно спрашивала меня, что такое со мной?

Никакие прогнозы и планы: что я скажу тебе? что ты скажешь мне? что я скажу Майке и как? не складывались в хоть какую-нибудь стройную форму, и я приказала себе не думать больше об этом, но мое сердце не слушалось никаких приказов и мысли уносили меня в прошлое.

Объявили антракт. Сквозь мелькавших перед глазами лю-

дей я увидела, как ты встал и стремительно направился к выходу. Я, было, открыла рот, чтобы подготовить Майку к непростому и очень важному событию, но потом закрыла его и решила чуточку подождать. Как это оказалось мудро: закрыть рот и чуточку подождать...

Видимо, судьба передумала делать подарок мужчине сегодня. Быть может, она решит сделать его завтра? Это никому не известно. Как противно покалывает в сердце. Жаль, нет с собой валосердина. Казалось до откровения остался один миг, подтасованный судьбой, ан нет. Судьба еще не наигралась с моей жизнью... «... Судьба, судьбы, судьбе, судьбою о судьбе...» – Булат Окуджава.

Видеть мир

Надежда Петровна никогда не увлекалась садово-огородными украшениями типа гномиков, грибочков-мухоморов, русалок с кувшинчиками или чем-то еще в этом роде. Да и когда ей было увлекаться, дачу купили только в прошлом году. Неведомо зачем её принесли ноги на рынок, мимо которого она проходила много лет и никогда не было необходимости внедряться в торговые ряды с кавказско-дагестанским окрасом. Там, у самого входа, среди разлегшихся аляпистых уродиков, искусственных цветов и плетистых пластмассовых виноградных лоз с восковидными гроздьями винограда она увидела лежащую на спине маленькую лягушечку. Лягушечка улыбалась, заложив «руки» за голову и, завернув «ноги» одна на другую и во всей её позе была такая нега жаркого лета и беззаботной жизни, что Надежда Петровна немедленно её купила.

За пределами рыночных дверей бушевала глубокая осень. Капли холодного дождя вперемежку с мокрым снегом беспросветно просеивали пространство и глупая лягушка, голова которой торчала из матерчатой сумки Надежды Петровны, с удивлением и даже капелькой идиотизма, тарасилась большими глазами вокруг, с недоумением взирая на безнадежный мрак осеннего вечера.

В это время года такой товар не имеет спроса, и покупка

обошлась в три раза дешевле, чем, если бы это было весной. Дачный сезон давно миновал, но дачу еще не закрыли и в ближайший выходной собирались поехать закрывать ставни на зиму, укладывать розы, сливать воду из душевого бака, если конечно не планировать приезжать на дачу зимой.

– Вот я и отвезу тебя, голубушка, дом сторожить, – подумала Надежда Петровна.

Лягушка, известное дело, промолчала.

Сыну Надежды Петровны летом исполнилось 27 лет. Как она не рассматривала под микроскопом наедине с самой собой его характер, как не выискивала хоть какие-нибудь отрицательные черточки характера, ничего такого подобного найти не могла. Её любимый мальчик был безупречен. Уменьшительный, институт закончил на раз, работает не по специальности, но на отличном месте, хорошо зарабатывает, красивый, добрый, щедрый.

Надежда Петровна растила сына одна. Бурная любовь с целованием ног и дрожащим голосом: «Ты моя награда на склоне лет!!!», – мгновенно кончилась, когда Надя твердо сказала, что забеременела, и будет обязательно рожать, тем более что ей 35 лет. Нет нужды вспоминать, как это не просто растить ребенка без отца. Мама, конечно, помогала, пока были силы, но, когда малышу исполнилось пять лет, она слегла, и уже двоих малого и старого пришлось, надрывая жилы потихоньку тащить к светлому будущему. Уже не пожилая лежачая мать была в помощницах: подай – принеси, а

мальчишка, на удивление с пониманием относящийся к жизни. У того, кто целовал ноги и дрожащим голосом объяснялся в любви, сына не было, а была только дочь, но страх и ужас разоблачения были так велики, что, мельком взглянув на ребенка он больше никогда не проявлял желания повторить встречу. Доктор медицинских наук, профессор, поджал хвост и лег на дно, оберегая своё спокойствие и благополучие своей семьи.

Все бы было хорошо, но жизнь, как известно, идет дальше. Соседская девчонка, дерзкая, ленивая уродка, перекуковала дневную кукушку и вот уже пять лет держит на крючке её любимого мальчика. Нигде не работает, не учится, всё лежит на диване да ногти полирует. И чем она его взяла? Ни лица, как говориться, ни фигуры. То ей, то купи, то это, то в один ресторан своди, то в другой. Сейчас все отдыхать за границу едут, а мы что хуже, давай вези... Он её и за границу возил, в Испанию, а потом она захотела в Таиланд. В общем, ничего хорошего нет в этих отношениях, хоть плач. Надежда Петровна молчит и терпит, но уж очень мальчика жаль.

Вот сейчас, они поехали во Францию, а зачем? Денег у мальчика нет, ведь все на дачу истратили. Новый построили дом. Сад оживили. Дом тёплый, можно и осенью пожить и зимой, но нет ей во Францию охота. Мерзкая курица. Уж если живут, так уж женились бы, детей рожали, а то так, то вместе, то врозь... Такую сноху лежачую Надежда Петровна сильно не хотела, но её она знала с детства. Хорошенькой

девочкой была, куда все очарование подевалось? Все теперь олигархов ищут. Вот и она, небось, выбирает, а где они олигархи? На всех не хватает. Вот и вцепилась в мальчика...

Зима длилась как будто полгода. Длинная, холодная, без оттепелей. У Надежды Петровны скакало давление, отекали ноги. Мальчик много работал и часто ночевал на строительстве объектов, которые строил в Подмоскowie, бывал дома редко. Хотелось не только думать, но и говорить о нём, а с кем? Надежда Петровна заходила в гости к «мерзкой курице», чтобы о мальчике поболтать, но увидев валяющуюся на диване в обнимку с компьютером «курицу», желание пообщаться сразу исчезало, и она, раздраженная, возвращалась домой.

Как ни долго длится что-то неприятное в виде холодной зимы, но времечко течет, течет и течет без остановки. Пришла весна, и хлопоты весеннего сада поглотили Надежду Петровну. Лягушонка возлежала на бережке крошечного прудика, а для красоты хозяйка воткнула между ног земноводного пластмассовую веточку плюща. Еще зеленого покрова практически нет, а яркая ультрамариновая ветвь бросается в глаза, и счастливая беззаботная лягушка привносит в жизнь счастье и надежды на обязательно счастливое будущее.

Получая новое задание от директора частной фирмы, мальчик Надежды Петровны с увлечением принялся за дело. Такого сотрудника, как он, у новоявленного предпринима-

теля еще никогда не было: и умен, и хорош собой, толков, с полуслова понимает, молод, силен, творчески решает любые задачи, просто золото, а не сотрудник, а до чего обаятелен, просто почти родной человек. Дочка предпринимателя с интересом смотрела на красавчика-руководителя стройкой отца, и ей он очень нравился.

Когда на дачу впервые приехала «мерзкая курица», Надежда Петровна опасалась, как бы эта ленивая не отвела любимого мальчика от замечательного кусочка природы, и он не перестал приезжать к маме на дачу с удовольствием. Но она рассеянно побродила по скошенному газону и, опустившись в шезлонг около прудика, с восторгом уставилась на лягушку со словами: «Какая прелесть!».

– Хоть красоту понимает... и то хлеб... – подумала Надежда Петровна.

Время шло, и перемены как судьбоносные сюжеты после антракта обрушивались на зрителя или на главного героя пьесы под названием жизнь. На дачу стала приезжать прелестная молодая девочка, дочка начальника. Надежда Петровна не могла нарадоваться этому неожиданному событию. И вот однажды...

Надежда Петровна лелеяла надежду, что мальчику уже 28, ему пора бросить якорь, и было бы неплохо, если бы именно эта молодая фея с такими основательными и состоятельными родителями стала его избранницей.

Тут стали происходить какие-то нелепости. Мальчик стал

отдаляться от матери. Он не позвонил маме, когда она ждала звонка. Он не приехал, как обещал, сославшись на занятость и усталость. Он не привез нужные материалы для ремонта, и рабочие прождали его в маминой разрушенной от ремонта квартире целые сутки и ушли, а на звонки он не отвечал, так как был вне зоны действия сети...

Раньше такого никогда не было. Всегда звонил, в любое время дня и ночи. Находил доброе слово и с утра «Доброе утро!», и на ночь: «Все хорошо, спокойной ночи!», а тут как будто его подменили.

- Не волнуйся мамочка, приедем в выходной на дачу!
- Жду тебя, дорогой!
- Я вместе с Линой приеду!
- Хорошо, мой дорогой!

Суета выходного дня с готовкой шашлыка, с выездом на купалку на речку, с ночным бдением у костра так вымотали Надежду Петровну, что она даже не успела осознать, насколько её любимый мальчик далёк от неё.

Когда на следующее утро она проснулась, на столе лежала записка: «Мы уехали, у нас дела. Целуем и обнимаем. Лина скосила траву, а я починил газовый переходник. Обнимаю. Твой сын».

– Даже не разбудил, – подумала она.

Вышла в сад, добрела до прудика, и вдруг увидела забрызганную скошенной травой лягушечку, небрежно брошенную в сторону попой кверху, и мелко разорванную газонокосилкой веточку пластмассового плюща, перемешанную с землей и травой. Плоский зад лягушечки, как знак фортуны, повернувшийся не тем местом, которого каждый жаждет в течение жизненного пути. Вырванный и искромсанный пласт-

массовый плющ, так украшавший беззаботную улыбку земноводного, как растоптанная неоправдавшаяся надежда на счастье. Ничего не произошло страшного, а почему-то сердце Надежды Петровны было разбито, она села на лавочку и горько заплакала. Та, «мерзкая курица» не могла так быстро и так всерьёз забрать её мальчика, как сумела эта ослепительно молодая, эфемерная и черствая, не видящая красоты клизма. Она зарыдала еще сильнее, опущенная в своё материнское одиночество, и никак не могла унять своих слёз, всё всхлипывала и вздрагивала, и плакала, и вздыхала, и не могла остановиться.

– Одна у меня «мерзкая курица», вторая «клизма», что же я творю и с самой собой, и с моим мальчиком?! Нужно немедленно взять себя в руки, – и она заплакала еще сильнее.

Благотворительность

Что такое хорошо и что такое плохо, в Советском Союзе все выучили ещё с детства по стихам Владимира Маяковского. Правда, жизнь расширяла перечень поступков хороших и плохих в соответствии с возрастом и корректировала некоторые в соответствии с обстоятельствами.

Распоясавшееся время так называемой «перестройки» безжалостной рукой бросило в нищету трудящихся интеллигентных профессий: врачей, учителей, актеров, преподавателей ВУЗов и множество других. А такие профессии, как, например, библиотекарь – и по сей день в этой нищете пребывают. Я преподавал и в ВУЗе, и в школе, чтобы хоть как-то свести концы с концами и прокормить семью. Однажды мой бывший аспирант Алеша Ключев позвонил и сообщил, что в некой восточной стране ищут директора национального парка, но, чтобы был профессор или академик...

Мы с женой довольно долго обдумывали это, к тому времени уже сформировавшееся, конкретное предложение и решили согласиться. Срок – пять лет – не казался тогда таким уж большим. Мне было сорок четыре года, я был полон сил и здоровья. Единственное, что меня несколько смущало, так это слабый английский язык, который весьма неплохо когда-то был накоплен в университете, но по истечении времени сильно позабылся. Мы и представить себе не могли,

какие приключения ожидают нас в такой специфической и далёкой от нас не только по расстоянию, но и по культуре и менталитету, стране.

Я уехал первый, а семья должна была присоединиться ко мне через некоторое время. Пока я устраивался в неизвестном месте и обживал облезлую квартиру в арабском районе, мне стала более или менее понятна специфика востока: семья – это святое, и все местные жители живут во имя Аллаха для блага семьи. Поскольку я биолог-зоолог и отличный профессионал, мне не составило труда сразу обрести авторитет среди многочисленных нанятых на работу индусов, египтян, шри-ланкийцев, филиппинцев и людей других национальностей, приехавших из небогатых стран, как и я, заработать на кусок хлеба. А поскольку я профессор и директор, отношение ко мне было в соответствии с восточным миропониманием...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.